

Герман САДУЛАЕВ

НИКТО НЕ ВЫВОЗИТ ЭТУ ЖИЗНЬ

Из неопубликованной книги

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

Велес лежал на промке и медленно умирал. Было обидно, что приходится оставлять тело, еще вполне пригодное для ведения боевых действий. Чутка подлатать только. Если бы Велес чувствовал, что серьезно покалечен, то умер бы без сожаления. Он не хотел оставаться на всю жизнь больным и беспомощным. Лучше сразу Вальхалла. Но раны были легкими. Просто посекло осколками руки, ноги. Броник защитил спину, а каска — голову. Раны сочились кровью. Опять же, кровь не била фонтаном, никакой артерии не перебило. Если хорошо перевязать, наложить жгуты, остановить кровотечение, то можно выжить. А так за несколько часов кровь из нарушенной целостности организма перетечет в эту странную почву промки, а вместе с ней утечет и жизнь. Велес умирал от потери крови.

При жизни Велес был контрач и служил в разведроте девятого отдельного штурмового полка морской пехоты. Служил давно. Это было третье ранение. Обычно боевое повреждение тела ощущается как сильный удар. Например, пулевое ранение в плечо — это сначала как удар, очень сильный удар в плечо. Потом уже приходит боль развороченного мяса и порванных нервных нитей. Но сегодня осколками резануло словно кнудом с шипами, как-то сразу и ослепительно. Велес от болевого шока и контузии на какое-то время потерял сознание. Отключился. Упал как мертвый. Это было хорошо, потому что противник не стал добивать. Это было плохо, потому что свои не стали выносить. Все подумали, что Велес уже отправился в Вальхаллу. А Велес еще тут, на промке, лежит, истекая кровью.

Группа разведчиков шла, рассредоточившись, по пустырю. Не очень боялись, ведь это место считалось зачищенным. Надо было, наверное, сначала коптером посмотреть, прежде чем выдвигаться. Но, может, коптер и не увидел бы ничего: в развалинах полно навесов и нычек. Метров

за четыреста стоял разобранный артиллерией склад с упавшей крышей и полуразвалившимися стенами. Видимо, там и прятался враг. Короткая серия из шести минометных выстрелов застала разведчиков врасплах. Хорошо, что стреляли не очень умело. Морпехи упали на землю при звуке первого выстрела, пять мин разорвалось чуть поодаль, шестая угодила в песок и не разорвалась, торчала хвостовиком наружу. Со стороны склада началась беспорядочная стрельба из стрелкового оружия.

Кажется, кто-то вскрикнул, или это показалось Велесу. Были, наверное, легкораненые, которые эвакуировались сами, на своих ногах. В общем, группа быстро отошла: сначала ползком, до укрытий, потом перебежками. А Велеса оставили. Хотя надо было забрать. Даже мертвого положено было вынести. С другой стороны, если мертвый, то он позождет. Живых спасти надо.

Велес думал, что нарвались они, наверное, на кочующую группу тероборонцев с восьмидесятидвухмиллиметровым минометом. Будь там нормальные вояки, положили бы наших всех или половину. А так досталось только ему. Или не только? Велес осторожно повернул голову, пытаясь осмотреться. Больше никого не увидел.

А эти кочевники, они уже ушли? Сменили позицию? Или смотрят на него в оптику? Надо бы поменьше шевелиться.

Впрочем, шевелиться и не хотелось. Велес проверил послушание тела и понял, что мышцы порезаны и он не сможет быстро перекатиться к укрытиям или уйти перебежками. Хотелось застыть, как застывает в холодной комнате холодец, и мягко уснуть.

Велес вспомнил о том, как мама делала холодец. В большой кастрюле из алюминия варились куски мяса, жилы и кости. Хотя нет, кости не варились, в холодце костей не было. Тогда откуда брался в вареве желирующий агент? Ведь желатин извлекают из костей. Сейчас его еще делают из водорослей, называется агар-агар. Но это для кондитерки. Никто не станет желировать агар-агаром мясной холодец. Может, кости варили, а потом вынимали? Надо будет узнать у мамы ее рецепт холодца. А, нет, не получится. Мама в прошлом году умерла. Потом варево разливали по стеклянным подносам с высокими бортами и оставляли на ночь в холодной комнате. Если это было зимой. А летом холодец и не делали. Велес не помнил, чтобы дома летом делали холодец. Нет, это зимнее блюдо. Потому что в холодильниках, всегда забитых едой для большой семьи, места для застывания холодца не было. Но была особая холодная комната, летняя столовая, где зимой хранили продукты и оставляли подносы с варевом холодца. А потом эти подносы один за другим вносились в дом и съедались, разрезаемые на параллелепипеды неострым столовым ножом. Внутри холодца были куски мяса, жил и еще, кажется, зелень. Нет, не зелень. Чеснок. Холодец, холодец. Холодно. Становится холодно.

Велес осознал, что засыпает, и резко выбудил себя из этого смертного сна. Спать нельзя. Если заснешь, то уже не проснешься.

Удивительно, как это он уже почти отключился, при том что болело, болели раны на руках и ногах, и все тело наливалось болью и было уже, кажется, не рабочим механизмом, а холодцом, в котором тут и там бесполезные куски мяса, жилы, кости, внутренние органы, не связанные функциональным единством.

Чтобы выжить, надо действовать. Ставить себе задачи и исполнять. Даже если жить осталось несколько часов или минут. Велес подумал, что можно попробовать сообщить в роту о том, что он жив. Рации не было, но в кармане лежал кнопочный телефон, без всякого там интернета. Вот только, блин, кажется, закончились деньги. И пополнялка есть, Велес купил пополнялку, да ввести забыл. Пополнялка в том же кармане, где и телефон. Только как теперь ее раскрыть и ввести код? Можно, наверное, с нулем на балансе кинуть звонок. Абоненту придет сообщение: такой-то номер пытался вам позвонить.

Стараясь шевелиться очень медленно и осторожно, Велес достал из кармана телефончик и нажал клавишу вызова последнего номера. Телефон пискнул и погас, кажется, прежде, чем прошел звонок. Села батарейка. Не зарядил телефон. Негде было заряжать, ночевали не в располаге, а на позициях. Надо было брать с собой пауэр-банк. Ага, это просто смешно. Пауэр-банк. Куда его засунуть? Всегда думаешь, что лучше взять больше бэ-ка. Хотя иногда пауэр-банк так же важен, как бэ-ка. Но сейчас бы это все равно не помогло: надо же еще как-то соединить, поставить телефон на зарядку. Слишком много сложных движений. Противник, если он поглядывал в сторону Велеса, мог заметить, что труп чего-то там копошится.

На промку легли серые сумерки. Велес подумал, что можно дождаться темноты и, если останутся хоть какие-то силы, начать, хотя бы и медленно, двигаться в сторону своих. С другой стороны, когда станет темно, противник начнет смотреть в тепловизор. И увидит Велеса. И увидит, что он живой. Ведь принцип тепловизора такой, что он фиксирует инфракрасное излучение. То есть тепло. Живые люди — они теплые. А мертвый человек холодеет, и в тепловизоре его не видно. Противник посмотрит в тепловизор, увидит Велеса, поймет, что он теплый, а значит, живой, и добьет. Но есть ли тепловизор у кочевников-тероборонцев? А отчего не быть? Миномет же у них есть. Может быть и тепловизор, и все что угодно. Нет, в сумерках уходить — лучше всего. Через оптику уже не очень хорошо видно, а тепловизор еще не включен. Хотя смотря какая оптика.

Велес задумался о тепловизоре. Вот, например, зомби. Они же мертвые. А значит, холодные. Значит, в тепловизоре их не видно. И ночью зомби могут атаковать как невидимки. Можно было бы создать из зомби ночной штурмовой отряд. Кажется, враги так и делают. Велес видел трупы живой силы противника, и они напоминали ему зомби из фильмов. Черные, искореженные, изорванные и обезображенные, с искривленными чертами лица, у кого осталось лицо. Иногда казалось, что

они сейчас встанут и пойдут, шатаясь, протягивая руки к живым людям, чувствуя теплую кровь. Бывало, что трупы исчезали. Днем лежал труп, вроде наши его не прикапывали, не до того было. А утром трупа нет. То ли укропы ночью забрали свой труп. То ли местные прикопали, чтобы не отравлял воздух зловонием. То ли в свете луны он встал и ушел сам, вернулся на свои позиции и записался в ночной отряд.

Велес вспомнил о том, что он сейчас лежит израненный и умирает на промке. Может, он сегодня умрет, а в ночь станет живым мертвецом и пойдет к своим. Или к чужим. И никакой тепловизор его не увидит. Но нет. Велес не превратится в зомби. Велес вознесется в Вальхаллу. За ним прилетят валькирии. А тело предадут земле товарищи по разведоте, которые обязательно за ним вернуться, если не спасти его живого, то похоронить мертвого.

Боковым зрением Велес не заметил даже, а ощутил какое-то движение справа. Медленно повернул голову и увидел, что по пустырю к нему трусит, как-то нелепо припадая сразу на две или три лапы, если такое вообще возможно, пегая собака. Наверное, пегая. Трудно было определить. Шкура собаки была покрыта грязью и бетонной пылью. Велес нащупал в чехле на предплечье свой боевой нож, которым он обычно открывал тушенку или, бывало, зачищал провода, резал ткань и даже колот щепу. Убивать кого-то ножом Велесу еще ни разу не приходилось. Но если оголодавший пес накинется, чтобы живо рвать из Велеса куски мяса, то зверя встретит холодная сталь клинка.

Пегий, однако, не проявлял никакой злобы или аппетита. Он замедлился, начал скулить и отчаянно сигнализировать хвостом, как белым флагом, о своих мирных намерениях. Ткнулся носом в плечо, потом прямо в лицо Велесу, но не нахальничал и лизать без спросу малознакомого человека не стал. Он пристроился рядом, лег, вжимаясь в кривизну тела Велеса своим худым и покоцанным телом. Положил голову на лапы и прикрыл глаза.

Пес был, как и Велес, несколько раз ранен. Некоторые шрамы были старые, другие свежие. Ничего страшного. Просто посекло осколками, наверное. Как и Велеса. Пса никто не перевязывал, на нем и так все заживало как на собаке. Он еще мог выжить. Только надо было решить зачем. Зачем выживать, зачем продолжать свое собачье существование в этом новом и непонятном мире, где у пса не было хозяина, не было своего человека, и все постоянно взрывалось, гремело и сыпало туда и сюда кусками горячего металла. Каждой собаке нужен свой человек. У пегого пса человек тоже был, но или бросил, или умер — какая разница? Хорошо хоть, не запер в квартире без еды и воды. Пегий месяц жил на улице, шатался по промке, и сегодня вдруг понял: старый человек не придет. Нужно или найти себе нового человека, или умереть. Говорят, что люди для богов как домашние животные. Тогда человек для собаки как бог. Пес выбрал себе Велеса как своего бога и своего

человека. Теперь он лежал с ним бок о бок и был готов честно разделить с новым хозяином его судьбу: спастись или умереть.

Велес при жизни любил всяческую скотину. Дома в станице, в сараях и на базу, у него было много курей, уток, гусей, коз, овец, были и телушки. И собаки, конечно, были. Собак было две, и жили они во дворе, заходить в человеческое жилье им было заказано, отчего собак высокомерно презирали коты и кошки, которых боги допускали к себе за их талант к мягкоте и мурлыканью. Псы же, завидуя, загоняли котов и кошек на деревья и стояли внизу, залиvisto лая. Велес нащупал голову пегого пса и погладил. Принял.

Он подумал о том, что собаки — проводники загробного мира. И вот, значит, за ним пришли. Жалко, что не валькирии, но так еще лучше, роднее. С головою собаки был египетский бог мертвых, и еще где-то что-то такое было про собак. Какие-то греки, Харон и церберы. Значит, скоро Вальхалла. Велес хотел представить себе Вальхаллу по фольклору германцев и скандинавов, мед поэзии, вот это все. Хотел увидеть Вотана, пирующего с погибшими бойцами. И вечный бой девятого полка морской пехоты НМ ДНР с тридцать шестой бригадой морской пехоты ВСУ, в котором они полностью уничтожают друг друга, а потом оживают и садятся пировать вместе, и так будет всегда. Но не представлялось. Вместо этого он видел белых длиннорогих коров и радостных собак, сопровождающих мальчиков-пастушков. Но так еще лучше, роднее. Роднее.

Силы оставляли Велеса. Велес умирал.

В темнеющем небе загрохотали железные колесницы. Одна была слева, другая справа. Грохот приближался, лязгали гусеницы. Так вот какие они, колесницы железного века, которые небо присылает за умершими воинами. Одна была похожа на Т-72, другая — на МТ-ЛБ. Танк выехал на пустырь. Подвигал башней. И начал долбить в стену полуразобранного склада. Видимо, чтобы разобрать склад совсем. И похоронить под обломками врагов, засевших в развалинах. Мотолыга закрыла собой Велеса, встала перед ним. Открылся задний люк, и появились носилки. Велеса бережно погрузили. Санинструктор сразу стал перетягивать жгутами, разрезать одежду, на скорую руку перевязывать и всячески чинить поврежденное тело Велеса.

Велес не вполне еще верил, что он жив, но чувствовал умиление. Какие все-таки хорошие у него боевые товарищи! И санитар этот, и боец Перкунас, и боец Тангар, и даже шутник Локи. Целую спецоперацию устроили, чтобы забрать его тело. Технику пригнали: танк и мотолыгу. Он, кажется, даже сказал что-то такое. А Локи болтал без умолку:

— Да что ты, разве ж мы б тебя бросили? Мы ждали танк. Полюбому вывозили бы, хоть двухсотым, хоть трехсотым. Потом глядим из укрытия в оптику, а к тебе собака прибилась. И ты вроде шевелишься. Ну мы тогда мат-перемат и ускорились. Укропы ведь тоже могли заметить. Если они там еще остались. Может, уже и нет. Может,

стрельнули и ушли. Кочевники. Но на всякий случай мы расхерачим ту позицию. Так что скажи спасибо псу.

— А где пес, пегий? — кажется, даже вслух сказал Велес.

Люк был еще открыт. Пегий смотрел в люк тоскливым собачьим взглядом. Когда приехала техника, он не убежал. Только встал и отошел чуть поодаль от Велеса, понимая, что это друзья хозяина, но на всякий случай контролируя ситуацию и готовый броситься в последнюю схватку, если вдруг кто-то сделает хозяину плохо. И вот теперь его только что обретенный человек уезжал, а пес оставался снова один, и, похоже, никакого смысла жить не было. Он снова лег и приготовился просто и легко умереть, не цепляясь за эту непонятную и надоевшую жизнь.

Локи высунулся из заднего люка и свистнул.

— Эй, бродяга! Да, ты. Давай сюда, мухой!

И сделал знак рукой, который понимают все собаки во всем мире. Русские собаки и украинские, немецкие и американские, и даже китайские собаки, про корейских, однако, не скажу.

Пес вскочил и не то чтобы запрыгнул, видели бы вы люк МТ-ЛБ, туда не особо попрыгаешь, а нырнул и втиснулся рядом с Велесом. У него теперь было все хорошо. У него снова был свой бог. У бога были веселые и могучие друзья, с которыми ничего не страшно. И даже железное чудовище изнутри оказалось уютным, как собачья будка. Жить стоило.

Велесу сделали укол, и он уже без боязни не проснуться уплывал в обезболенную дрему, пес-проводник лежал рядом, а мотолыга не лязгала и не гремела, а словно урчала, словно мурлыкала, как огромный небесный кот.

ЧЕТВЕРТАЯ ТЕТРАДЬ

Смешные они, эти укропы. И названия у них смешные. Нью-Йорк, например. Видели вы тот Нью-Йорк? Это как в самой Америке есть город Москва. Или село. В общем, жопа какая-то. Здесь начинается жопа мира. Но это не какая-то там специальная русофобия. У них и Париж есть, примерно такая же жопа. И вот укропы, видимо, в подражание пиндосам, придумали у себя тоже такие названия делать. Шервудский лес! Хотя кто-то говорит, что это мы сами, русские, такое название ему придумали. Мы уже месяц воюем в этом Шервудском лесу. Как Робин Гуд. Я где-то читал, что Шер-вуд значило «шерифский» лес. То есть заповедный. То есть обычным людям было запрещено там охотиться и, ну, например, рубить деревья и даже собирать хворост. Потому что это было такое специальное охотничье угодье для местного графа, или кто он там был, а право рубить лес и заготавливать дрова продавалось за деньги. Поэтому Робин и его шайка были преступниками уже потому, что жили в этом лесу и охотились на зверье. И ничего хорошего бы им

не светило, даже если бы они не начали грабить купцов, проезжающих через лес. А мы никого не грабим. Мы здесь окапываемся и трем с автомобильной бригадой ВСУ. То есть они десантники. По-нашему — ВДВ. Я служу в добровольческом отряде «Засадный Полк». Он так называется, но нас в отряде меньше батальона. Мой позывной Финист. А парни из ВДВ у нас тоже есть рядом. Есть даже Бригантина, который ходил в Гостомель. Ну вы помните, Гостомельский десант. Мы его спрашиваем: Бриг, как там было на самом деле? Укропы пишут, что полный провал. Вы прилетели, и вас там просто сразу покрошили всех, а остатки прятались в лесополосах, но и их тоже покрошили, аэропорт у вас сразу отбили, и все, что вы успели, — это зачем-то спалить гражданский самолет «Мрия», а через пару дней, или недель, все русские вообще сбежали из-под Киева, убив в Буче мирняк и разбросав его по дорогам. Наши пишут, что это была гениальная операция, что ее будут изучать во всех военных академиях мира, что вы зацепились и удерживали аэропорт до прихода основных сил по земле, проявили чудеса храбрости и находчивости, а еще есть песня про Гостомельский десант, ее какой-то чувак под гитару пел. Так как оно было на самом деле? Бригантина говорит: ну меня же не покрошили. И все. Ничего, гад, больше не рассказывает.

Местный Шервуд стоит к востоку от трассы Изюм — Славянск. В 1941 году Славянск был сдан без боя. Через город прошли остатки 230-й стрелковой дивизии. Прошли и растаяли в осеннем тумане. Но зимой 1942 года Красная армия пошла в контрнаступление и почти освободила Славянск. Это была Барвенково-Лозовская операция, которая закончилась плохо. Барвенковский плацдарм превратился в западню, где в мае 1942 года погибло, по нашим данным, 170 958 красноармейцев и попало в плен, по немецким данным, 352 355 красноармейцев. Около 30 или 70 тысяч смогло прорваться с боями на восток. Прорывались в том числе и через лес, который позже назовут Шервудским. Немцы держали по краю леса оборонительную линию и в самом лесу вступали в смертельные схватки с остатками 9-й, 6-й и 57-й армий, которые пытались вырваться из котла. Весь лес был залит кровью и завален телами убитых. Почти никого не успевали хоронить. Погребать останки начали после битвы. Немцы — в 1942 году. Русские — в 1943 году, после нового наступления на Донбасс. И после войны, вплоть до самых последних лет, — работали поисковые группы, производили захоронения и перезахоронения. По лесу тут и там братские могилы. Одни говорят, что Шервуд всегда был таким. Другие — что он особо разросся после войны, удобренный телами.

Деревья растут плотно, одно к одному. Как в тайге. Или в джунглях. Но породы деревьев северные, конечно. Есть ели, сосны, но больше лиственные — ольха и ясень. Ольха особенно противная, так как формирует заросли, называемые ольшаниками. Видимость почти нулевая. Мы вокруг опорника заросли прорежаем. А опорник наш — это

бывший укропский, который мы отжали. Здесь в лесу укропы тренировались и нарыли укрепов. Мы в них стоим, но они же на картах есть у врага. И враг то и дело навешивает нам артой. Но в лесу без укрепа еще хуже, а самим лопатами и топорами сделать свой опорник тоже не так-то просто и не так-то быстро. Так что мы обычно делаем вид, что ушли и что сделали свой опорник недалече. Но это фальшивка. Там игрушечные такие выкопаны вроде окопы, на самом деле неглубокие ямки, прикрытые ветками, и вроде блиндаж, тоже невсамделишный. Это еще напоминает кинодекорации, как если бы мы кино про партизан снимали. Чтобы была полная иллюзия, мы оставляем там пару бойцов, которые разводят костерок и вроде как варят еду. На дым вообще ведутся и начинают обстрелы. А сегодня даже послали разведгруппу. Я как раз был на фишке в декорации вместе с Горынычем. И видим, в ольшанике движение. Я кричу: кто идет? Пароль? Там затихли. Я кричу: хохол, ты, что ли? Отвечают: москаль, сдавайся! Обещаю, что ты умрешь быстро. Я говорю Горынычу: жги! Горыныч в сторону движения из гранатомета. Там стоны, маты, и пошла стрелкотня. Только их там много, до взвода. Окружают нас. Я думаю: ну, сейчас наши с настоящего опорника подтянутся. А наших нет.

В общем, мы с Горынычем решили уже, что хана нам. Проверили гранаты в разгрузке. Если что — подорвемся. Не будем сдаваться в плен. Хотя вряд ли придется. Сейчас укропы подползут на расстояние броска и своими гранатами нас закидают. Странно, что у них гранатомета с собой нет, а то бы давно нас грохнули. Стреляем во все стороны, БК заканчивается, прощаемся с жизнью, молимся. И вдруг слышим выстрелы, вроде бы винтовочные. Разрывы гранат. Крики. Словно кто-то с тылу ударил по укропскому разведвзводу. Огневое давление на нас с Горынычем сначала ослабло. А потом и вовсе прекратилось. Похоже, всех укропов быстро перебили. И тогда, на готовое, подошли с тылу «выручать» нас братья из нашего отряда. Братья стали стаскивать в кучу укропские трупы и собирать трофеи. А мы вышли на полянку и встретились со своими настоящими спасителями.

Я, честно говоря, охренел. А Горыныч достал свой смартфон (у него был смартфон с вытасщенной симкой, чтобы не палиться) и начал фотографировать и даже снимать видео. Это были они. Легендарные «железноголовые». То есть одетые в железные каски времен Второй мировой мобики из ЛНР или ДНР. Я спросил: мобилизованные, Луганск? Командир мобиков кивнул: кто из Ворошиловграда. А кто и из Славянска. Я подумал: как это? Но тоже кивнул. Командир сидел на поваленном дереве и курил папиросу без фильтра. Все мобики выглядели очень странно. Кажется, что не только каски, но и обмундирование им выдали из старых советских запасов. Чуть ли не из музея. И, главное, винтовки. Я уже слышал про батальоны, вооруженные «мосинками», но думал, что это преувеличение. Образ такой. Гипербола. Анекдот. За этим анекдотом была печальная правда: деньги, выделенные на

подготовку 40 тысяч резервистов в ЛДНР, были благополучно попилены, наверх были посланы отчеты о том, что все вооружены, снабжены, обучены, а ничего не делалось. Потому что никто не верил, что на самом деле будет война и что на самом деле всех призовут. А потом, когда призыв объявили, то случайно похватали мужчин с улиц, университетов, заводов, театров, выдали им какое-то оружие и форму со старых советских складов, чуть ли не из музейных хранилищ, и отправили на войну, потому что никто не верил, что на самом деле придется воевать. Думали, укропы просто сдадутся. Это все знали. Но винтовки Мосина... нет. Не может быть.

Мобики выглядели очень усталыми. Немытыми. С землистыми лицами и кожей. Их непонятная форма была сильно измята и, кажется, даже полуистлела. На ногах у них были не берцы, а сапоги. Они были вооружены самыми настоящими винтовками Мосина. И пулеметом системы «Максим». Но глаза их были дерзкими, уверенными и злыми. Особенно у командира. Они без особого удивления, с каким-то презрением даже смотрели на нашу модную форму, на броники и шлемы, на оружие и на смартфон Горыныча. Командир докурил папиросу. Смял пустую пачку. Я протянул командиру свою пачку сигарет. Он молча взял и засунул в карман. Я начал как-то суетиться. Притащил гранаты. Горыныч метнулся к братьям, отобрал какие-то трофеи и тоже принес, вывалил перед мобиками: шлемы, разгрузку с гранатами и рожками, автомат. Разгрузку и автомат мобики взяли. А шлемы оставили. Командир встал искомандовал: стройся. И мобики все повскакивали и как-то криво, но построились. Командир сказал: ну все. Нам пора. Я спросил: куда вы? Командир показал рукой: туда. У нас приказ. Они пошли по просеке, волоча за собой по кочкам станковый пулемет. И вскоре исчезли в зарослях ольхи.

Мы вернулись в свой опорник. А там была суета. Наш комроты сказал: срочно, уходим. Приказ. Оставляем все. Уходим. Срочно. Все уже ушли. Соседи слева и справа. Мы последние. Надо валить. Срочно. Я сказал: а как же мобики? Комроты сказал: какие мобики? Я сказал: ну мобики. Там, перед нами, впереди прямо вот, между нами и укропами, там мобики. Они сегодня нас с Горынычем спасли. Когда укропы ложный опорник атаковали. А они в тыл укропам зашли. И спасли нас. Мобики. Они там, впереди остались! Надо им сообщить, что все ушли! Комроты сказал: Финист, вы что там с Горынычем на фишке курите? Нет впереди никаких мобиков. Никого нет. И не было. Вас наш второй взвод вытащил.

Мы погрузили военное имущество в «буханки» и другой наличный транспорт, сами сели кто на что смог и лесными колеями вырвались из леса на восток, к своим. А когда мы уходили, мне казалось, я слышал, что в лесу шла стрелкотня: автоматные очереди и треск винтовок, разрывы гранат и еще пулемет вышивал: тра-та-та-та, тра-та-та-та. Потом начали ухать мины. И все стихло. Только ветер шумел в осеннем лесу. А вечером пошел дождь.